

ЖАНРОВЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ И ФОРМЫ СТИЛИЗАЦИИ ФЕЛЬЕТОНОВ М.М. ЗОЩЕНКО

В 1920-е годы жанры сатиры и юмора в русской литературе переживают расцвет. Это, также, очень плодотворный период творчества М. Зощенко. Именно тогда к нему пришла необыкновенная популярность и любовь читателей. В это время он сотрудничает в различных сатирико-юмористических журналах, среди них: «Красный ворон», «Дрезина», «Бузотер», «Смехач» и «Бегемот». Здесь публиковались его рассказы и фельетоны, которые он подписывал либо полной фамилией, либо инициалами – З., М. З., либо псевдонимами – Назар Синебрюхов, Семен Курочкин, Михал Михалыч. Наверное, наиболее часто используемая подпись к его фельетонам – Гаврила и Гаврилыч.

Безусловно, литература о творчестве М. Зощенко довольно обширна. Исследователи касаются в своих работах, прежде всего, рассказов и повестей автора, особое внимание при этом уделяя анализу особенностей его сказовой манеры. Вместе с тем, такая часть наследия Зощенко, как фельетоны, до сих пор остается неизученной. Авторы многих статей, монографий и диссертаций фельетоны, как правило, ставят в один ряд с рассказами сатирика, характеризуя общие тенденции его творчества, подробно на них не останавливаясь. Это касается как советских (Л.Ф. Ершов [3], М.О. Чудакова [12], А.Н. Старков [11], Л.А. Посадская [10]), так и современных (Т.В. Кадаш [6], Н.А. Комарова [7], Д.А. Долганов [2]) исследований. Давно назрела необходимость систематизации зощенковских фельетонов. Данная статья является попыткой восполнить данный пробел. На материале конкретных фельетонов, сообразуясь с различными критериями, мы выделяем и анализируем наиболее системные жанровые их разновидности и формы стилизации.

Категория комического является одной из главных жанровых характеристик фельетона. Юмор и сатира, наряду с иронией и сарказмом, представляют, в свою очередь, основные виды комического. Соответственно выделяют юмористические и сатирические фельетоны. Творчество Зощенко не является в этом ракурсе исключением. Многие его фельетоны бескомпромиссно развенчивают социальные и моральные пороки, имеющие широкую общественную значимость, сущностные признаки сатиры играют в них важную роль. Изображение взаимоотношений личности и социума, акцент на несоответствии идеала и действительности становятся основой сюжетных коллизий и образных характеристик в зощенковских фельетонах сатирической направленности. Выяснение средств создания сатирического эффекта в них – цель отдельной статьи.

Значительная часть фельетонного наследия Зощенко – юмористические произведения. Именно юмористическая тональность многих зощенковских текстов, отсутствие ярко выраженных критических тенденций стала причиной многочисленных нападок на писателя в 1920-е годы. В частности, В. Вешнев помещает Зощенко в категорию таких писателей, которые

«стараятся приемами творчества и характером своего юмора замаскировать и выдать себя беспристрастными и объективными изобразителями, прибегая к беспринципному, «чистому» юмору только как к безвинно-удовольственному соблазну для развлекающегося читателя» [1, с. 57]. Советский критик называет автора «юмористом», пишущим на мелкие темы без должной «высоты критико-общественной точки зрения» [9, с. 72], ее заменяет «зоологическое, сытое хихиканье, ...безудержный смех самодовольного мещанина над мелочами жизни, над которыми он готов безобидно посмеяться, но от которых он отнюдь не считает нужным отказаться» [1, с. 58]. Примечательно, что представители русского зарубежья в конце 20-х годов оценивают творчество Зощенко с тех же позиций, что и критики метрополии. Так, К. Мочульский в статье «О юморе Зощенки», опубликованной в парижском журнале «Звено» в 1927 году, высказался о писателе следующим образом: «Зощенко – зубоскалит. Он так естественно воплотился в мещанина новой Советской России, с таким удовольствием «жрет пирожные», ругается и плюет в «рожу», что кажется: ничего другого ... в России не было и нет. С упоением расписывает гнетущее убожество жизни: серость, разврат, цинизм; с неким восторгом повествуется о пошлости и грязи, о мордобитии» [8, с. 214]. Исследователь, как и многие его советские коллеги, ставит знак равенства между рассказчиком и автором.

Во многих фельетонах Зощенко доброжелательно подчеркивает недостатки и слабости людей или отдельных общественных явлений, используя юмористические средства. В частности, фельетон «Полеты в кредит» (1924) посвящен вопросу «широкого кредитования», которое началось в стране. Писатель добродушно посмеивается над людьми, которые, поощренные государственной программой, готовы оформлять кредит даже на мелкие услуги – в данном случае: полет на аэроплане. В «Психологической истории» (1930) речь идет о превратностях семейной жизни: слесарь Василий Антонович К. надумал развестись, так как «решил, что будет. А то он, видите ли, начал скучать в её обществе. Ну, вообще остыл к ней. Разлюбил её» [5, с. 378]; после долгих колебаний, наконец решившись сказать об этом жене, обнаруживает, что она тоже готова бросить его; задетый за живое супруг осознает, что не может без не жить, и они остаются вместе. Закljučают фельетон риторические вопросы иронического плана и прямая авторская апелляция к читателю: «Как понять этот случай? В чём тут запятая? Почему слесарь вдруг переменялся? Нет ли тут низменных чувств? Нет ли мещанского уклона? Нет ли собственничества? Автор, утомлённый своей литературной работой, не может сразу разобраться в этой сложной психологической канители. Пушай читатели сами разбираются! Нельзя же всё разжёвывать и в рот класть. А ну, поработайте сами!..» [5, с. 378].

Есть у Зощенко и образцы «положительного» фельетона – жанровой разновидности, не предполагающей сатирической тональности, как правило описывающей общественные достижения. По своим формальным особенностям она близка к очерку. Но Зощенко вполне оригинален в разработке этой формы. У него она приобретает как минимум

юмористический характер, порой с явно ироническими интонациями. К примеру, в фельетоне «Вятка» (1925) предметом освещения является такое явление, как волки среди бела дня в городе Вятка. Положительный пафос здесь проявляется в воспевании бесстрашия городских жителей, способных собственными силами справиться с хищниками: на свист милиционера появился дворник, задушивший зверя. Сам факт, представленный в фельетоне, имеет ироническую подоплеку – глушь, царящая в городе, поразительна, и никакие власти не могут справиться с нашествием волков. Юмористический компонент произведения реализуется во его начальной и заключительной фразах («В Вятке волки по улицам бегают. Там даже поговорка сложилась: волков бояться – по центральной улице не ходить» [5, с. 201] и «По слухам, герой дворник представлен к медали за спасение утопающих» [5, с. 201]), а также элементах сказа (автор приводит слова дворника: «– Что, спрашивает, волки, что ли? Чичас мы их подомнем...» [5, с. 201]).

Следующий критерий, согласно которому представляется необходимым типологизировать фельетоны Зоценко, – степень художественности. Эта классификация вполне традиционна: в зависимости от того, какие элементы – публицистические или художественные – доминируют, выделяют публицистические и беллетризованные фельетоны. Применительно к фельетонистике Зоценко следует говорить в большей степени о втором типе. Об этом упоминают многие исследователи. В частности, Д.А. Долганов, подробно анализируя гоголевскую традицию в творчестве Зоценко, констатирует его «беллетристическую манеру» [2, с. 6], заявляющую о себе и в фельетонах, которые, как правило, очень близки рассказу. Подчас трудно идентифицировать именно фельетонную жанровую принадлежность того или иного текста. Не будем останавливаться на данном типе зоценковских фельетонов, это тема отдельного исследования. Заметим лишь, что в нем высока степень драматизации: часто в основе беллетризованных фельетонов сатирика лежит диалог («Легкая наука» (1925), «Редкий случай» (1926)) или сценка-зарисовка («На живца» (1923), «Американская реклама» (1926)), а преобладающими художественными приемами в них выступают гиперболлизация, гротеск и сказ.

Публицистическая фельетонная разновидность также встречается, хотя и не часто, в творчестве писателя. В этих фельетонах отсутствует сюжет и персонажи, обычно это либо размышление на заданную тему, либо обобщение конкретных фактов. В качестве примера, иллюстрирующего первый случай, приведем фельетон «Терпеть можно» (1930). Основной предмет размышления здесь – брак в разных сферах производства и обслуживания. Комментируя эту особенность советского народного хозяйства, автор отталкивается от ярких примеров и делает довольно саркастические замечания: «...произвели стекольщики сто графинов. Так из этих ста стеклянных вещиц – пятнадцать вовсе невозможно пустить в продажу. Остальные проценты тоже, собственно говоря, не следовало бы пускать на прилавок, но приходится. Надо же чем-нибудь торговать. Тем

более покупатель – он купит. Действительно, будет плакать, отбиваться и морду отворачивать, но купит», «Или, обратно, повара и доктора. Они также имеют свой брак. Говорить об этом не приходится. Каждый кушал и после к врачам заходил» [5, с. 386]. Отдельно сатирик останавливается на конкретном факте: одно почтовое управление установило собственные нормы брака. «И только есть одна профессия. Она не имеет брака. Это, прямо скажем, – почтовое дело. ...А это, может быть, очень обидно показалось почтовым начальникам. То есть, говорят, каждый комиссариат имеет льготы, а мы вроде и не люди, а собаки» [5, с. 386], – объясняются причины этого нововведения. Размышления фельетониста по поводу «процентных ставок», которые придумали «заботливые» чиновники, наполнены едким сарказмом: эти нормы вполне «подходящие», «не зверские», терпеть их можно, ведь «пальто не снимают» [5, с. 387]. А фельетон «Хитер человек» (1925) представляет собой обобщение повсеместных тенденций в работе клубов – неаккуратное ведение хозяйства, вследствие чего помещение быстро приходит в упадок и требует ремонта, вместо которого, из-за отсутствия денег, происходит переезд в другое здание. Автор не называет конкретный «адрес» (понятие в теории фельетона 20-х годов, подразумевающее реальный факт, который послужил толчком к созданию данного газетно-журнального текста), лишь намекает: «Три таких почтенных учреждения нам известны. Про одно не скажем. Конфузить не желаем. Может, оно исправится. Про другое напомним слегка. Оно само догадается. Оно в седьмой раз переезжать хочет. И теперь на прелестный двухэтажный особняк нацелилось. Быть особнячку пусту!» [5, с. 183]. Гаврила надеется, что даже такого непрямого указания будет достаточно для того, чтобы положение дел изменилось.

Объект изображения также может стать типологическим критерием фельетона. Как и большинство фельетонистов 20-х – начала 30-х годов, Зощенко обращался к проблемам бюрократизма, мещанства (пожалуй, этот аспект, как и в его рассказах, является доминирующим в фельетонистике писателя), положения в сфере искусства, жизни за рубежом. Критике бюрократической системы посвящены, в частности, фельетоны «Игра природы» (1924), «Административный восторг» (1925), «Ужасы внутреннего распорядка» (1925), «Насчет этики» (1925), «Кузнеца обидели» (1925), «Домашнее средство» (1925), «Вредные мысли» (1925), «С» (1925), «Скверный анекдот» (1926), «Спец» (1926), «Об уважении к людям» (1936) и др. Среди наиболее ярких фельетонов, показывающих различные типы обывателей, назовем «Самодельцы» (1925), «Доходная статья» (1925), «Сельская идиллия» (1925), «Мещанство» (1925), «Горько» (1929).

В отличие от И. Ильфа, Е. Петрова, В. Катаева, систематически раскрывающих в своих фельетонах проблемы современного им искусства, Зощенко касался их довольно редко, к тому же опосредованно – он редко показывал деятелей литературы, театра, кино как таковых («Сила таланта» (1923), «Писатель» (1923), «Актер» (1925), «Товарищ Гоголь» (1926)), а исследовал восприятие простыми людьми произведений искусства, вновь выпячивая его мещанский характер («Письма в редакцию» (1922), «Мемуары

старого капельдинера» (1923), «Черт знает что такое» (1926)). В какой-то степени примыкают к этому тематическому микроциклу фельетоны о деятельности газет и журналов. Назовем этот тип фельетона «профессиональным»: в нем отражаются эксцессы журналистской работы. Автор выводит различные типы сотрудников прессы. Так, в фельетоне «№ 1028» (1925) изображен рабкор газеты «Гудок» с большим самомнением, позволивший себе раскритиковать одно провинциальное издание, на что его учредители незамедлительно отреагировали жалобой в вышестоящую инстанцию и Гавриле в «Бузотер» (чтобы тот «расписал» провинившегося). В этой «бумажке» незадачливый рабкор назван «старорежимным Царским цензором» [5, с. 209]. Фельетонист в лице Гаврилы высмеивает этого «деятеля», но тут же подвергает недвусмысленной критике составителей жалобы, дважды написавшие слово «царский» с большой буквы. А фельетон «Практикант» (1926) посвящен рабкору-плагиатору, смело выдававшему разного рода заметки (фельетонные, стихотворные, научные), переписанные из всевозможных изданий, за свои собственные. Автор фельетона выступает здесь в роли разоблачителя.

Некоторые фельетоны данного типа носят сугубо информационный, «новостной» характер. В фельетоне «Валяйте, нам не жалко» (1925) повествуется о выходе в Харькове журнала «Гаврила» – «тезки» фельетониста из «Бузотера». Представляя его портрет, автор сравнивает двух носителей этого имени. «Наш Гаврила будет слегка поплотней, и выражение лица у нашего несколько язвительней. И не курит, как этот. Потому – борьба. И кашне не носит» [5, с. 182], – утверждает рассказчик, а затем примирительно добавляет: «Ну, ладно. Пущай их выходят. Надо же и Харьков слегка осчастливить. Нам не жалко. Мы все советские. И наш Гаврила – советский, и этот – советский. Мы его не хаем. Это тоже ужасно способный Гаврила. Вишь, идет как смело» [5, с. 182]. В заключении сказывается авторская ирония: «А полупочтенному нашему тезке – Гавриле – наше вам с кисточкой» [5, с. 182], – все-таки, не так уж честно использовать уже знаменитое имя.

Фельетон «Что за шум, а драки нету» (1925) приурочен к первой годовщине издания «Бузотера». Он выписан в юмористическом ключе. Вот как, в частности, переданы торжества по этому поводу: «Ну и действительно праздновали пышно. Слов нет. Конечно, особой пышности не было. Потому народ у нас все ужасно строгий и непьющий. Писатели у нас не то что, знаете, к вину – к пиву не притрагиваются. Вот какие писатели. Истинная правда. Горох пожуют - им и хватит. А художники даже и гороха, дьяволы, не жуют. Воблу сососут, а уж их и развозит с непривычки. ...С такими художниками какая уж там, знаете ли, пышность. Посидели, посидели и разошлись кто куда. Вот вам и весь юбилей» [5, с. 268]. Используя сказовую манеру, фельетонист рассказывает о коллективе журнала. Далее, с теми же интонациями, ведется речь о «поздравительных» письмах, адресах, телеграммах, поступивших в редакцию.

Затрагивает Зощенко в своих фельетонах и жизнь за рубежом (хотя работ на эту тему у него очень немного). Как правило, в «зарубежных» фельетонах 1920-х годов дается односторонняя, сугубо негативная картина и оценка жизни за пределами советского государства: высмеивание «империалистов», угнетающих рабочий класс, карикатурные образы русских эмигрантов и т.п. Об этом свидетельствуют произведения М. Кольцова, В. Катаева, Зубила (Ю. Олеси), И. Ильфа, Е. Петрова. Зощенко же в этом плане довольно оригинален. Он уклоняется от прямолинейной критики различных явлений Запада, не навязывает читателю собственного мнения, не включает в текст типичные для этой разновидности советского фельетона сатирические интонации или гневные, памфлетные инвективы – заменяет их юмором. В качестве иллюстрации приведем фельетон «Сенсационные известия» (1923). Он представляет собой серию зарисовок о проявлениях кризиса на Западе (в Европе – в Англии и Германии, и США). Основное художественное средство, используемое автором – гротеск. Так, в одной заметке «нафталиновый король Смит», рассчитывает поднять цены на свой товар, и поэтому не выпускает его со своих складов. Как следствие этого – расплодившаяся моль «останавливала прохожих Свободной Америки и тут же пожирала все шерстяные части» [5, с. 112]. В другой – Зощенко иронизирует по поводу такого явления капиталистических стран, как забастовка: в Ливерпуле отказались выйти на работу ломовые лошади, из-за чего, не желая выполнять предъявленные ими требования, впрягся в экипаж один миллиардер и случайно разбился насмерть. «Крупной потерей в буржуазно-финансовом мире» [5, с. 112] объявляется его гибель. Еще в одном фрагменте фельетона в юмористическом духе отражен кризис перепроизводства – в Германии, к примеру, слишком увлеклись производством косметической пудры, настолько, что решили уплатить Франции часть долга этим товаром, но президент Пуанкаре отказался и т.д.

В особую тематическую категорию следует вынести фельетон о прошлом России, чаще всего дореволюционном, – «ретро-фельетон». Как известно, фельетон по своей жанровой сущности призван быть откликом на «горячее» событие, злободневный случай. И может показаться, что, обращаясь к прошлому своей страны, Зощенко идет вразрез с канонами жанра. На самом деле – писатель таким образом расширяет его границы, ведь речь всегда идет об актуальных проблемах современного общества. В фельетоне «Мемуары старого капельдинера» объектом критики выступает обывательщина как внутренняя сущность человека: персонаж, обозначенный в названии, оценивает выдающихся деятелей искусства – в частности, Ф. Шаляпина и А.К. Глазунова – не за их талант и профессиональные качества, а за определенные внешние характеристики. У Шаляпина, по его мнению, главное – громкость голоса (некий солист хора превзошел певца в этом параметре – «в одну минуту развенчал Шаляпина», за что и поплатился: «всем известно – русским талантам ходу не дают – поперли его из хора» [5, с. 123]), у Глазунова – представительность комплекции (рассказчик знал помещика, который был намного крупнее – «в ширину сравненья нету» [5,

с. 123]). А фраза «А Вагнера я не люблю. Непонятный композитор. Много чересчур в барабан бьют, а толку нету» [5, с. 123] красноречиво раскрывает духовную и эстетическую ограниченность этого «служителя искусства», который «не чужд культурного просвещения». Фельетон «Теперь-то ясно» (1925) касается свободы слова и действия при советской власти. Повествователь вспоминает события шестилетней давности, тогда, в 1919 году, многие задавались вопросами: «правильный» ли праздник Масленица, «можно ли советскому гражданину лопать блины? Или это есть религиозный предрассудок?» [5, с. 192]. Описывается сценка в коммунальной квартире, жители которой и пытались выяснить эти вопросы – только после официального разрешения управдома решились отметить наступление весны. Сравнивая недалекое прошлое и современность, рассказчик замечает, что теперь «все ясно и понятно», можно без колебаний печь блины, «главное, на это народных сумм не растрачивать» [5, с. 192]. В этой оговорке проявляется отсылка к актуальной для середины 20-х годов (впрочем, не только) проблеме злоупотребления социальным положением и властью.

Формы жанровой стилизации в фельетонах Зощенко довольно разнообразны. Прежде всего, обращает на себя внимание эпистолярная их модификация. Например, «Письма в редакцию» и «Открытое письмо» (1924) представляют собой обращения читателей в любимое издание, с просьбой разобраться в тех или иных проблемах. Как и в любом письме, в них есть обращение к получателю («Уважаемый товарищ редактор!», «Здорово, братишка «Красный ворон»!!») и, как правило, подпись отправителя («Группа интеллигентных служащих», «Конторщик Ив. Лермонтов»). Наличие адресата и ожидание ответа либо действия обуславливает появление признаков, присущих диалогу: обращение, вопросы, напоминание (в «Открытом письме» звучит апелляция к сатирическому журналу «Красный ворон»: «Как ты вообще живешь, кого клюешь, кого по носу бьешь и кого за вихры таскаешь?») и, тут же, для создания иллюзии беседы, дается ответ: «А мы, спасибо, живем шикарно – чего и тебе желаем» [5, с. 146]). А следующие фразы – «А ты, дружище «Красный ворон», за лето, небось, раз пять с экскурсиями ездил? Но и мы, обрати внимание, не лаптем щи хлебаем. Мы тоже недавно ездили осматривать разные старинные вещи и сокровища» [5, с. 146], – являются преамбулой к основной теме фельетона, предвосхищают возможные вопросы, уточнения, что достигается развернутостью и последовательностью изложения, свойственными монологической речи.

Фельетон «Новый письмовник» (1926) – осовремененная вариация дореволюционного «Письмовника» издания И.Д. Сытина. Отталкиваясь от явно саркастического утверждения о том, «старый «Письмовник» является книгой опасной, имея в себе такие перлы, как образцы прошения на высочайшее имя с припаданием к стопам, явно унижающего человеческое достоинство, он еще в отделе частных писем рассчитан на нездоровый мистический вкус аристократа, больного прогрессивным параличом» [5, с. 117], «Письмо к девице, поразившей своими формами, с назначением свидания», «Письмо к девице по выработке мирозерцания», «Письмо

поэтическое с объяснением неприхода по мере надобности», «Письмо с просьбой о деньгах» [5, с. 117]. Уже из названий понятно, что автор акцентирует здесь проблему обывательщины.

Довольно необычна форма фельетона «Через сто лет» (1925) – он стилизован под характерный для советских газет «отдел жалоб», только письма, в него поступающие, датируются 2025 годом. Автор уверен, что данная рубрика сохранится и через сто лет, и представляет, на что могли бы пожаловаться люди XXI века. Проблемы остались те же, что и в 1925 году, изменился только антураж: все так же растрачиваются людьми, занимающими мало-мальски высокое положение, казенные средства (какой-то мелкий начальник катает свою любовницу на личном аэробусе), как и прежде к своим обязанностям относятся спустя рукава, чиновники хамят посетителям и боятся, что их уличат в политической неблагонадежности (работник крематория отдал близким усопшей старушки не ее прах, при этом нахально себя ведя, и попросил «не доводить дело до центра», узнав, что «старушка была свидетельницей Революции» [5, с. 274]), все так же процветает воровство (мошенникам, укравшим линзу телескопа, наплевать на развитие науки) и т.п.

Одна из форм стилизации в фельетонах Зощенко – сказка: сатирик использует приемы фольклорного жанра для усиления сатирического или юмористического эффекта. Героине известной «Нянькиной сказки» (1924) в канун седьмой годовщины революции поручили рассказать трехлетним детям об этом знаменательном событии. «Не обученная политграмоте» Еремеевна, используя на свой манер традиционные для сказки повторы («В некотором царстве, в некотором государстве произошла эта самая, значит, революция» [4, с. 344], «скоро сказка сказывается, да не скоро дела обделываются» [4, с. 344]), вплетает в повествование собственный опыт жизни в 1917 году, вспоминает о своем сыне, служившем на Балфлоте, голоде («в те дни, детишки-ребятишки, в этом царстве гражданам мало-мало хлебушка выдавали» [4, с. 344]), разрухе, отсутствию воды и электричества и т.п. Фельетон имеет явно иронический, если не остро критический, подтекст: в советском государстве идеология насаждается почти с пеленок («Про революцию дети поймут. Они нам смена... – строго сказала заведывающая» [4, с. 343]).

В ироническом фельетоне «Паразит» (1926), который сам Зощенко в прилагающемся к нему комментарии назвал «авторской исповедью», используется характерный для сказки принцип градации, реализующийся через прием утроения. Герой произведения писатель Вася Кучкин вынужден увеличивать «объем работы» – от одного романа к двум, трем, «четырем и трагедии» за раз, чтобы оплатить постоянно повышающиеся квартплату и налоги. И управдом, и фининспектор, и даже родственники не могут спокойно наблюдать за успехом Кучкина, потому и растут их претензии и запросы. Зощенко в финале признается, что нет никакого Кучкина, все это он написал про себя. «Конечно, нет в этой исповеди – как у других прочих писателей – ни великих переживаний, ни революционных этаких восторгов –

есть один, можно сказать, подлый коммерческий расчет. А что поделывать? Не подняться нам, видимо, с мелкой своей натурашкой над прозой жизни» [5, с. 290], – делает он ироническое признание.

Встречается в фельетонном наследии Зощенко дневниковая форма. В частности, герой фельетона «Мадонна» (1923), рабочий, фиксирует в своих ежедневных записях события, последовавшие за его переводом в более высокий разряд: душевный подъем, прогулки по центральным улицам Ленинграда, встречу с красивой женщиной, его влюбленность в нее и наступившее впоследствии разочарование – дама оказалась заурядной проституткой. Непосредственно событийный ряд фельетона чередуется с размышлениями о собственной персоне, любви (вернее ее отсутствии в реальности) и мечтами о красивой жизни, которая, по его убеждению, непременно должна наступить после повышения: «Да, превосходная вещь это – жизнь. И люди превосходные, бескорыстные... Главное, за что я люблю людей, это за их бескорыстие. Бескорыстие – это все в человеке» [5, с. 105], «я очень люблю, когда меня уважают. В такие минуты чувствуешь, что ты действительно участник течения жизни, колесико одно жизненного вращения» [5, с. 105], «...все время жил как свинья, в театры не ходил, в обществе не бывал, а с дамами позабыл даже, когда и разговаривал. А все это на душу действует, от этого душа грубеет. Общество – это великая вещь. Я вот деньги получу – журфикс какой-нибудь устройю... А? Ну, хоть и не журфикс, а кой-кого приглашу. Общество всегда человека облагораживает» [5, с. 106], «Конечно, что касается любви, то я не того, не доверяю этому чувству, сомневаюсь, прямо скажу, в нем. Люди с высшим образованием, приват-доценты какие-нибудь, конечно, отрицать начнут, скажут, что любовь, точно, существует, однако, может, она и точно существует, как отвлеченное явление, да только мне наплевать на это» [5, с. 107] и т.п. Есть в фельетоне и автокомментарии: дважды в записях последующего дня герой признает, что накануне «в душевном треволнении слишком много приписал лишнего» [5, с. 106]. Так, используя типичные для дневникового жанра элементы, Зощенко высмеивает мещанскую сущность советского человека, внутренне не изменившегося после революции.

Часто используемой формой стилизации в фельетонистике Зощенко является обыгрывание официальных документов, деловых бумаг. Как правило, подобные фельетоны посвящены проблеме бюрократизма, что вполне закономерно. Выдержка из протокола заседания заводского комитета по поводу улучшения жилищных условий рабочих открывает фельетон «Тараканы» (1925). Далее рассказчик Гаврила замечает: «Теперь каждому мало-мальски сознательному читателю охота, небось, узнать, какая последовала резолюция управляющего заводами по поводу этого протокола» [5, с. 201] и приводит соответствующий документ, суть которого сводится к предложению рабочим своими силами «перебить тараканов» [5, с. 201] в общежитии. Так автор высмеивает попустительство и глупость чиновников. Фельетон «Ужасы внутреннего распорядка» (1925) освещает факт двухминутного опоздания на работу некоей служащей. По поводу этого

«инцидента» руководством было составлено «Предупреждение», согласно которому в случае повторения к опоздавшей гражданке «будут применены меры административного взыскания согласно существующих правил внутреннего распорядка» [5, с. 204]. Этот документ выслали курьером на адрес виновницы. Фельетонист комментирует случившееся: «Конечно, проступок гражданки важный. Что уж говорить. Благодаря ей две минуты драгоценного рабочего времени навсегда вычеркиваются из жизни. Но если б это было только две минуты! А то больше, ох, больше!» [5, с. 204] и в качестве доказательства приводит шуточный «реестр» времени, потраченного как на написание злосчастного «Предупреждения», так и на все события, вытекающие из него. Пародируя официальный документ, Зощенко подвергает критике приверженность современных чиновников «бумажке». Любой, даже самый незначительный, факт они окружают идеологическим «ореолом», стимулируя таким образом волокиту. «Канцелярская блажь» – главный объект осмеяния и в фельетоне «О вреде грамотности» (1925), герой которого председатель сельсовета, общающийся с соседями только посредством разного рода документов, которые и цитируются Гаврилой.

Форма документа применяется писателем, также, в фельетонах другой тематики. С вопросами театра связан, например, фельетон «Обязательное постановление» (1923). Поводом к его созданию стали сведения о чрезмерно низкой посещаемости театров («бывают спектакли, когда в зрительном зале едва насчитывается несколько каплединеров» [5, с. 119]). Суть шуточного «постановления» сводится к закрытию всех развлекательных заведений и наложению на всех совершеннолетних граждан обязательств по еженедельному посещению театра. «Куплетисты, борцы, чревовещатели и эсэры объявляются вне закона. Каждый гражданин, имеющий рекомендацию двух управдомов, имеет право ударить или снять пальто с лица вышеозначенных профессий» [5, с. 119], – ставя в один ряд профессиональные и политические категории, выдвигая анархистские лозунги, фельетонист высмеивает заидеологизированность жизни советского человека. В этом документе, «во избежание давки и увечий» [5, с. 119], предлагается график посещения театров по дням недели согласно роду деятельности, а также предусмотрено наказание («личное задержание, штраф в один триллион рублей и кроме того высылка из пределов РСФСР» [5, с. 119]) и поощрение («все исполняющие постановление получают в виде премии: 1 галстук, полфунта синьки и 1 галошу» [5, с. 119]). В целом, не претендуя на разрешение вопроса, фельетон призван обратить внимание читателей на существующее положение дел.

Проведенный анализ показал многообразие видов и форм фельетонов М.М. Зощенко, еще раз подтвердил широкий диапазон его художественной палитры. Вне нашего внимания остался вопрос о средствах создания сатирического эффекта и художественной образности в зощенковских произведениях данного жанра. В этом состоит перспектива разработки темы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вешнев В. Разговор по душам / В. Вешнев // На литературном посту. – 1927. – №11-12. – С. 55-59.
2. Долганов Д.А. Гоголевские традиции в поэтике прозы М.М. Зощенко: автореферат дисс. ...канд. филол. наук / Д.А. Долганов. – Самара, 2001. – 16 с.
3. Ершов Л.Ф. Из истории советской сатиры: М. Зощенко и сатирическая проза 20-40-х гг. / Л.Ф. Ершов. – Л.: Наука, 1973. – 156 с.
4. Зощенко М. Малое собрание сочинений / М. Зощенко. – СПб: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. – 896 с.
5. Зощенко М.М. Рассказы и фельетоны 1922 – 1945. Сентиментальные повести / М. Зощенко. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2003 . – 699 с.
6. Кадаш Т.В. Мировоззренческие аспекты творчества М. Зощенко: автореферат дисс. ...канд. филол. наук / Т.В. Кадаш. – М., 1996. – 25 с.
7. Комарова Н.А. Поэтика сказа М.М. Зощенко 20-х гг. / Н.А. Комарова. – Томск, 2000. – 175 с.
8. «Неизвестный советский гражданин, которого звали Зощенко». По страницам эмигрантских изданий 1920-1930-х годов // Дружба народов. – 1993. – №8. – С. 200-217.
9. Отчет о «Дискуссии о трех юмористах» в Доме печати // На литературном посту. – 1927. – №1. – С. 72.
10. Посадская Л.А. Русская советская сатирическая проза второй половины двадцатых года (проблематика и поэтика: автореферат дисс. ...канд. филол. Наук / Л.А. Посадская. – Свердловск, 1987. – 21 с.
11. Старков А.Н. Михаил Зощенко. Судьба художника / А.Н. Старков. – М.: Сов. писатель, 1990. – 256 с.
12. Чудакова М.О. Поэтика Михаила Зощенко / М.О. Чудакова. – М.: Наука, 1979. – 200 с.

Аннотация

Комаров С.А. Жанровые разновидности и формы стилизации фельетонов М.М. Зощенко.

В статье представлена типология фельетонов М.М. Зощенко в соответствии с разными критериями: вид комического (сатирический, юмористический, «положительный»), степень художественности (беллетризованный, публицистический), объект изображения. Отдельное внимание автор уделяет жанровым формам стилизации фельетонов у Зощенко: эпистолярная, дневниковая, сказочная, официальные документы и деловые бумаги. Названные виды и формы рассмотрены на материале конкретных фельетонов.

Ключевые слова: фельетон, критерий, типология, сатирический, юмористический, публицистический, форма стилизации.

Анотація

Комаров С.А. Жанрові різновиди і форми стилізації фейлетонів М.М. Зощенка.

У статті представлена типологія фейлетонів М.М. Зощенка у відповідності до різних критеріїв: вид комічного (сатиричний, гумористичний, «позитивний»), ступінь художності (белетризований, публіцистичний), об'єкт зображення. Окрему увагу автор приділяє жанровим формам стилізації фейлетонів у Зощенка: епістолярна, щоденникова, казкова, офіційні документи та ділові папери. Названі види та форми розглянуто на матеріалі конкретних фейлетонів.

Ключові слова: фейлетон, критерій, типологія, сатиричний, гумористичний, публіцистичний, форма стилізації.

Summary

Komarov S.A. Genre types and forms of stylization in M.M. Zoschenko's feuilletons.

The article highlights the typology of feuilletons by M.M. Zoschenko, according to different criteria: type of comic (satirical, humorous, «positive»), degree of artistic value (fictional, publicistic), object of picturing. The author pays separate attention to the genre forms of stylization in M.M. Zoschenko's feuilletons: epistolary, diary, fairy-tale, official documents and business papers. These kinds and forms are considered on material of the certain feuilletons satirical articles.

Key-words: feuilleton, criterion, typology, satirical, humorous, publicistic, form of stylization.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати д.филол.н., профессором Фризманом Л.Г.